

© Т.О. ЧЕРВЯКОВА

Тюменский государственный университет
tscherta@rambler.ru

УДК 161.26

**ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ МОДАЛЬНОСТИ
VS
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
LOGIC-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF LINGUISTIC MODALITY
VS
COGNITIVE-DISCURSIVE LINGUISTIC APPROACH**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается функционирование категории модальности в рамках междисциплинарного подхода, основывающегося на данных, представленных в философии, логике, традиционной и современной лингвистике. Анализ соединяет в себе подходы современной поэтики и стилистики. Обращение к модальности как к характеристике высказывания впервые встречается в работах логико-философского плана. Модальность представляет не только познавательную деятельность человека, но и связи, существующие в объективном мире. Определение модальности как функционально-семантической категории говорит о включении в нее аксиологических средств, характеризующих отношение высказывания к действительности и отражающих объективное знание, и средств, характеризующих отношение говорящего к высказыванию и являющихся субъективными по своей природе. Многоаспектность категории модальности представляется разноуровневыми средствами языка, служащими ее выражению. На основе анализа материала исследования представляется интересным изучение дискурсивной модальности, базирующейся на категориях поэтики, таких как Голос, Точка зрения, которые ярко представлены в произведениях Ф.М. Достоевского.

SUMMARY. The article deals with the functioning of the category of modality from the point of view of interdisciplinary approach based on the data presented in philosophy, logic, traditional and contemporary linguistics. The analysis combines the approaches of modern poetics and stylistics. The investigation of modality as a characteristic of the utterance is an important part of philosophy and logic. Modality covers not only cognitive existence of the human being, but also relations that exist in the objective world. As a functional-semantic category, modality includes axiological means which characterize relation of the utterance to reality, thus reflecting objective knowledge, and means which reflect the speaker's attitude to the utterance and are subjective by nature. Multidimensional character of the category of modality is represented by different linguistic means. Discursive modality is based on the categories of poetics such as the Voice, Point of View which were extensively used in the works of F.M. Dostoyevsky.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Модальность, полифония, дискурс, когнитивная поэтика.
KEY WORDS. Modality, polyphony, discourse, cognitive poetics.

Одной из категорий, представляющих интерес в междисциплинарном плане, выступает модальность, наиболее многоплановая категория языка и мышления. Данная категория находит свое отражение в философии, логике, литературоведении, лингвистике.

Истоки изучения модальности восходят к идеям древних философов, рассматривавшим модальность как характеристику суждения. Впервые Аристотель выделил такие модальные понятия, как «необходимо», «возможно», «случайно» [1]. Выделение таких категорий проводится на основе двух типов сущего: в действительности и в возможности.

В дальнейшем развитие идеи о типологии сущего приводит к возникновению теории множества миров, которую разрабатывал Г. Лейбниц [2]. По его мнению, возможное было первично, что влекло за собой существование множества возможных миров. Данная теория представляется актуальной и сейчас. Так, М. Эпштейн отмечает, что «одна возможность (универсалия) реализуется многообразно, а из множества возможностей (альтернатив) реализуется одна» [3; 66].

Современные трактовки модальности напрямую связаны с вышеобозначенными понятиями. Так, Философский энциклопедический словарь определяет модальность как «способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления или же способ понимания суждения об объекте, явлении или событии» [4; 381].

Существование представляет собой бытие, которое может быть представлено разнообразными формами: виртуальное и актуальное, феноменальное и ноуменальное, подлинное и кажущееся, субстанциальное и пропритативное, предметное и информационное. Интересными представляются кажущееся и подлинное бытие, отражающие нечто, существующее на самом деле и не существующее. При этом основой кажущегося бытия может служить некий прообраз, либо его может не быть. С другой стороны, важно отметить субстанциальную и пропритативную формы бытия, характеризующие объективную и субъективную реальность [5]. Эти формы бытия в полной мере отражают объективную и субъективную модальности, которые выражают отношение к реальности.

Аксиологический аспект модальности выдвигают на первый план **в логике**, где она определяется как «оценка высказывания, данная с той или иной точки зрения» [6; 205]. Объектом изучения модальной логики являются модальные суждения, характеризующие тип связи субъекта и предиката или связи простых суждений в структуре сложного. Такая связь также определяется понятиями «случайно», «необходимо», «доказано», «предположительно».

Основываясь на классификации Канта, подразделяющей суждения на три основные группы (ассерторические, аподиктические и проблематические), модальная логика выделяет алетическую, эпистемическую и деонтическую модальности. Алетическая модальность базируется на логико-онтологических характеристиках, включающих понятия возможности, необходимости, случайности. Эпистемическая модальность содержит понятия доказуемости и убежденности, а деонтическая модальность — понятия нормативности [7]. Современная лингвистика также использует эту классификацию, существенно расширяя ее в форме выделения нарративных модальностей: алетическая, эпистемическая, деонтическая, буломатическая, и аксиологическая (с включением этического и эстетического компонентов) [8].

Тем не менее модальность, с той или иной точки зрения, представляет отношение человеческой мысли к окружающей действительности. Данное отношение не всегда можно реализовать исключительно модальными понятиями, поскольку человеческий язык многогранен и не всегда может быть четко формализован. В связи с этим стоит обратиться к функционированию модальности в лингвистике, которая служит своеобразным связующим звеном между строем человеческого мышления и собственно языковым материалом.

В традиционной лингвистике модальность определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды квалификации сообщаемого» [9; 303]. К основным значениям модальности традиционно относятся объективное и субъективное, представляющие характеристику суждения в плане действительности, либо отношение говорящего к сообщаемому.

Грамматически модальность выражается при помощи модальных глаголов: мочь, долженствовать, хотеть и др., семантически определяющих понятия возможности, необходимости, желания. На смену анализа морфологического уровня пришел уровень предложения, основой анализа которого является наклонение.

Современный подход базируется на единицах более высокого уровня, таких как текст. Изучению модальности текста и фразы в отечественной лингвистике посвящены работы И.Р. Гальперина, в которых модальность представлена в качестве «категории, присущей языку в действии, т.е. речи, и поэтому являющейся самой сущностью коммуникативного процесса» [10; 113].

В настоящее время лингвистика начинает расширять свой инструментальный аппарат благодаря таким научным направлениям, как когнитивная поэтика, стилистика. В «Учебном словаре терминов» модальность определяется в рамках морфологической и синтаксической стилистики как универсалия языка, которая составляет одну из основополагающих категорий языка [11]. «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» под редакцией М.Н. Кожинной дает дефиницию понятия «тональность». Она включает в себя два вида модальности: субъективную и текстовую, и рассматривается как «текстовая категория, в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [12; 549]. Новая дисциплина — когнитивная поэтика — вводит новые категории анализа литературного текста: Перспективизацию, Голос, Точку зрения [13; 28-36 и далее 14; 190-224]. Механизмы исследования этих категорий становятся одновременно новыми технологиями исследования литературного текста, в том числе и текстовой модальности.

Творцом полифонического романа М.М. Бахтин называет Ф.М. Достоевского, анализ творчества которого представлен в его работах. М.М. Бахтин отмечает в качестве отличительной черты его романов полифонию и множественность неслиянных голосов [15].

Особая форма произведений Ф.М. Достоевского представляет интерес для исследования. В связи с этим в качестве материала анализа выступил текст романа Ф.М. Достоевского — «Униженные и оскорбленные» (СПб, 1861, 368 стр.). Роман Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» повествует

о семье помещика Ихменева, который становится управляющим усадьбы своего состоятельного соседа, князя Валковского, и занимается воспитанием его сына, Алеши. Вскоре Ихменева обвиняют в расхищении денег и желании женить свою дочь, Наташу, на сыне князя, несмотря на то, что между молодыми людьми вспыхивают искренние чувства.

Смысл романа, отражающий авторскую субъективно-оценочную модальность, представлен с помощью фактологической информации и особой сюжетной линии, передаваемыми через аукториальное повествование от лица писателя Ивана Петровича, который влюблен в изменившую ему невесту Наташу. Кроме того, смысл формирует особая дискурсивная форма, составляющая сложную и противоречивую полифонию голосов персонажей романа посредством переплетающихся диалогов, полилогов, переливов мнений и точек зрения. Концептосфера романа «Униженные и оскорбленные» представлена фрагментами, отражающими ряд концептуальных оппозиций: «Справедливость — Несправедливость», «Любовь — Нелюбовь», «Богатство — Бедность».

В данной статье представлены некоторые результаты исследования. Всего в анализируемом материале было выделено 15 диалогических единств, отражающих концептуальную оппозицию «Любовь — Нелюбовь» через текстовую модальность. Представим анализ одного диалогического единства.

Модальность текстового фрагмента представлена в диалогическом единстве: Иван Петрович говорит с девушкой, Наташей, в которую влюблен. Наташа пытается оправдать поступок своего избранника, который сказал, что может разлюбить ее. Положительное отношение к любимому представлено словами Наташи; отрицательное — Ивана.

« — Как! Сам же и сказал тебе, что может другую любить, а от тебя потребовал теперь такой жертвы?

*— Нет, Ваня, нет! Ты не знаешь его, ты мало с ним был; его надо короче узнать и уж потом судить. Нет сердца на свете правдивее и чище его сердца! Что ж? Лучше, что ль, если б он лгал? А что он увлекся, так ведь стоит только мне неделю с ним не видаться, он и забудет меня и полюбит другую, а потом как увидит меня, то и опять у ног моих будет. Нет! Это еще и хорошо, что я знаю, что не скрыто от меня это; а то бы я умерла от подозрений. Да, Ваня! Я уж решилась: **если я не буду при нем всегда, постоянно, каждое мгновение, он разлюбит меня, забудет и бросит.** Уж он такой: его всякая другая за собой увлечь может. А что же я тогда буду делать? Я тогда умру... да что умереть! Я бы и рада теперь умереть! А вот какво жить-то мне без него? Вот что хуже самой смерти, хуже всех мук! О Ваня, Ваня! Ведь есть же что-нибудь, что я вот бросила теперь для него и мать и отца! Не уговаривай меня: все решено! Он должен быть подле меня каждый час, каждое мгновение; я не могу воротиться. Я знаю, что погибла и других погубила... Ах, Ваня! — вскричала она вдруг и вся задрожала, — что если он в самом деле уж не любит меня! Что если ты правду про него сейчас говорил (я никогда этого не говорил), что он только обманывает меня и только кажется таким правдивым и искренним, а сам злой и тщеславный! Я вот теперь защищаю его перед тобой; а он, может быть, в эту же минуту с другою и смеется про себя... а я, я, низкая, бросила все и хожу по улицам, ищу его... Ох, Ваня!» [16; 43-44].*

Представленный отрывок включает в себя диалогическое единство с элементами рассуждения: обращение автора к Наташе; и персонажную партию — повествование с элементами рассуждения.

В тексте представлена **алетическая модальность** (возможность — *может быть*, синтаксическая конструкция с союзом *если* в придаточном условном предложении; необходимость — *надо*), **деонтическая модальность** (долженствование — *должен*), **эпистемическая модальность** (убеждение — *знаю*).

Объективный план данного текста представляет собой соединение реальности и ирреальности. Реальность выражена временными формами настоящего, прошедшего и будущего времен. Ирреальность, в свою очередь, представляет побудительное наклонение, условное наклонение.

Высокая эмоциональность текста выражается частым использованием восклицательных предложений (общее количество составляет 14 из 25). Частотное употребление назывных предложений с междометиями, такими как *о*, усиливающим экспрессивность высказывания, *ах*, выражающим сожаление, *ох*, характеризующим оттенком досады.

Для подчеркивания значения наречия *потом* используется усилительная частица *уж*, что указывает на предпочтительный порядок выполнения перечисленных действий.

Для подчеркивания вопросительности высказывания «Что?» служит усилительная частица *ж*, выделяющая значение предшествующего ей слова. Для выражения сомнения используется вводное слово *что ль*.

Сочетание безличного глагола *стоит* со словом *только* обозначает условие скорого осуществления последующего действия, в данном случае последствие трактуется как негативное.

В качестве слов, выражающих эксплицитную оценку, употребляется *хорошо*, *плохо*.

Предложение «*Уж он такой*» содержит отрицательную окраску, характеризующую объект речи: употребление усилительной частицы *уж* в начале предложения и определительного местоимения *такой*, указывающего на качества объекта речи, поясняемые в последующей речи. Далее дается пояснение, раскрывающее суть такого негативного отношения, оформленное глаголом в переносном значении *увлечь*.

Пытаясь разобраться в собственных проблемах, героиня ставит перед собой вопрос и сама же на него отвечает. Ответная реплика прерывается паузой «*Я тогда умру... да что умереть!*», что говорит о глубоком переживании героини, которая обдумывает свои действия. Она дополнительно усиливается частицей *да* в сочетании с местоимением *что*, характеризующих указанное действие как незначительное. Далее героиня поясняет свое позитивное отношение к смерти *рада теперь умереть*, она возмущена самой мыслью о том, чтобы жить без любимого — «*каково жить-то мне без него*», «*хуже самой смерти, хуже всех мук*» — подчеркивается вопросительным наречием *каково* и повтором сравнительной степени наречия *плохо*.

Содержание несправедливого отношения к родителям передается с помощью глагола *бросать* в значении покинуть кого-либо — «*бросила теперь для него и мать и отца*», «*бросила все*», подчеркивающегося местоимением с генера-

лизирующим значением *все*. При этом героиня понимает, что уход из семьи поспособствовал закреплению за ее родителями статуса сводников: *погибла и других погубила*, а ее поступок можно считать подлым: *я, низкая, ... ищущего*.

Отношение к сообщаемому и к собеседнику выражается с помощью синтаксических, лексических и стилистических средств и формирует дискурсивную модальность, которая представляет эмоциональное состояние говорящего. Наташа влюблена в Алешу и пытается защитить свою любовь, в то время как Иван Петрович пробует ей возражать и не приемлет продолжения этих мучительных отношений. Все это формирует аксиологическое отношение персонажей, которое представляет оппозицию.

Проведенный анализ демонстрирует необходимость проведения междисциплинарных исследований, поскольку обращение к понятиям философии, логики, лингвистики, стилистики, когнитивной поэтики открывает новые грани исследований. Интегративный анализ позволяет взглянуть на текстовую модальность с точки зрения дискурсивного подхода. Обращение к этическим концептосферам также соответствует новейшим парадигмам в лингвистике: развитие этической эволюистики выдвигает на первый план этические категории, ценность которых была снижена в последние десятилетия. Это расширяет устоявшиеся рамки категории модальности в ее текстовом и интердискурсивном аспектах, рассмотрению которой посвящена данная статья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Метафизика / Сочинения в 4-х тт. Т.1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994. 575 с.
3. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 284 с.
4. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
5. Согрина В.Н. Типология форм бытия: дисс. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2003, 167 с.
6. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М.: ВЛАДОС, 1997. 384 с.
7. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 230 с.
8. Chrzanowska-Kluczevska, El. Much More than Metaphor. Master Tropes of Artistic Language and Imagination. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2013. 196 p.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
10. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
11. Лагута О.Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: Учебный словарь терминов. Часть 2 / Отв. ред. Н.А. Лукьянова. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2000. 147 с.
12. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
13. Андреева К.А. Грамматика и поэтика нарратива в русском и английском языках: автореф. дисс... д-ра. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 47 с.
14. Андреева К.А. Литературный нарратив: когнитивные аспекты текстовой семантики, грамматики, поэтики: Монография. Тюмень: Вектор Бук, 2004. 244 с.
15. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: NEXТ, 1994. 509 с.
16. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные: роман. Л.: Художественная литература, 1989. 368 с.

REFERENCES

1. Aristotle. *Metaphysics* / In: *Sochineniia v 4-kh tt. T. 1.* Moscow, 1976. 550 p. (in Russian).
2. *Kratkaia filosofskaia entsiklopediia* [Concise Philosophic Encyclopedia]. Moscow, 1994. 575 p. (in Russian).
3. Epshtein, M.N. *Filosofiaia vozmoznogo* [Philosophy of possible]. St-Petersburg, 2001. 284 p. (in Russian).
4. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophic Encyclopedic Dictionary] / Ed. by L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. Moscow, 1983. 840 p. (in Russian).
5. Sogrina, V.N. *Tipologiia form bytiia* (diss. kand.) [Typology of life form (Extended Abstract of Cand. Sci. Diss.)]. Tyumen, 2003. 167 p. (in Russian).
6. Ivin, A.A., Nikiforov, A.L. *Slovar' po logike* [Dictionary of Logics]. Moscow, 1997. 384 p. (in Russian).
7. Ivin, A.A. *Osnovaniia logiki otsenok* [Bases of logic of values]. Moscow, 1970. 230 p. (in Russian).
8. Chrzanowska-Kluczevska, El. *Much More than Metaphor. Master Tropes of Artistic Language and Imagination.* Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2013. 196 p.
9. *Linguisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedia Dictionary] / Ed. by Yartseva, V.N. Moscow, 1990. 685 p. (in Russian).
10. Galperin, I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Text as an object of the linguistic investigation]. Moscow, 1981. 139 p. (in Russian).
11. Laguta, O.N. *Stilistika. Kul'tura rechi. Teoriia rechevoi kommunikatsii: Uchebnyi slovar' terminov. Chast' 2* [Stylistics. Culture of speech. Theory of oral communication. Learner's Glossary. Part 2]. Novosibirsk, 2000. 147 p. (in Russian).
12. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic Encyclopedia Dictionary of the Russian Language] / Ed. by Kozhyna, M.N. Moscow, 2006. 696 p. (in Russian).
13. Andreeva, K.A. *Grammatika i poetika narrativa v russkom i angliiskom iazykakh* (Avtoref. diss. dokt.) [Grammar and poetics of narrative in Russian and English (Dr. Sci. (Philol.) Diss.)]. Ekaterinburg, 1998. 47 p. (in Russian).
14. Andreeva, K.A. *Literaturnyi narrativ: kognitivnye aspekty tekstovoi semantiki, grammatiki, poetiki: Monografiia* [Literary narrative: cognitive aspects of textual semantics, grammar, poetics]. Tyumen, 2004. 244 p. (in Russian).
15. Bakhtin, M.M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's works]. Kiev, 1994. 509 p. (in Russian).
16. Dostoevskii, F.M. *Unizhennnye i oskorblennnye* [The Humiliated and the Insulted]. Leningrad, 1989. 368 p. (in Russian).

Автор публикации

Червякова Татьяна Олеговна — аспирант кафедры английского языка Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета

Author of the publication

Tatiana O. Chervyakova — Post-graduate Student, English Language Department, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University